

СМЕХОТВОРИНКИ

Счёт не в нашу пользу

Поставили счётчики воды. Их долго не хотели в ЖКО фиксировать, кормили завтраками, издевались в трубку. Удалось надавить через общество потребителей посредством угроз подать в суд и прокуратуру. Наконец после множества методических посещений и звонков счётчики зафиксировали, то есть признали за нами их правомочность. И тут выяснилось, что мы платим теперь за воду гораздо больше. Начались мелочные подсчёты, кто сколько потратил воды и взаимные упрёки в расточительстве драгоценной влаги.

Характерный диалог. Я – Давиду, выходящему из ванны: "Как помылся? – Да рублей на сто!"

Любовь по-стоматологически

Приглашаю своего зубного врача на свою очередную лекцию о Генрихе Гейне с названием, которое, как мне кажется, должно привлечь его внимание: "Зубная боль в сердце." Однако ассоциации у врача были сугубо профессиональными. Удивлённо покосившись на меня, он поучающе изрёк: "Зубная боль в сердце – это инфаркт!"

Слабое утешение

Всё время что-то происходит во рту: то выпадет пломба, то отколется кусок зуба, то воспалится десна, – ни недели без происшествий. Невольно подумалось: во рту события происходят чаще, чем в жизни. Боюсь, что придётся удалить зуб и тогда полетит весь мост. Тогда всё: конец лекциям, общению с людьми, конец жизни. Врач "утешает": "Да знаешь ли, сколько людей без зубов?"

Непохож на себя

Говорю по телефону с одной своей слушательницей. Зашёл разговор о национальности Давида. (Объясняю, как легче его узнать при встрече.) Но, оказывается, она его уже видела:

"Да он не похож на еврея!" (успокаивающе, явно желая мне сделать приятное). Я, недоумеваю: "Как же не похож? Кто же тогда похож?" – "Нет-нет, не похож. Ну, чуть-чуть."

И не подозревает, что этим проговаривается, выдавая свой бессознательный антисемитизм. "А что, это плохо – быть похожим на еврея?" Лёгкое смущение. "Да меня саму муж порой еврейкой называет!" Без комментариев.

Я не знаю, какой я по счёту

Звонит пожилой слушатель 8 марта в 8 утра: "Я очень волнуюсь. Я хочу Вас поздравить стихами. Можно?" Читает: "Я не знаю, какой я по счёту...", – имея в виду, что не первый, кто поздравляет меня сегодня. Смешная двусмысленность. "Нет, Вы у меня сегодня первый", – отвечаю я ему в тон.

Ничего не вышло

"Ничего у нас с тобой не вышло", – этой строкой М.Цветаевой из её стиха, адресованного Р.Рильке, назвала я свой вечер, посвящённый двум этим поэтам. В газете решили сократить длинную фразу. В результате объявление оказалось таким: "Ничего у нас с тобой не вышло". Вечер поэзии. Ведущая Наталия Кравченко." Имена Цветаевой и Рильке оказались лишними. Читатели, не узнавшие цитату, недоумевали: с кем и чего у меня не вышло? Поскольку перед этим шла длительная ругачка со Свешниковым из "Богатая", напрашивалось подозрение, что именно с ним.

Больше, чем поэт

В "Богатее" опубликована статья Е.Талпэу "И будет свет, сияющий в окне" о местной поэтессе Е.Мартыновой, получившей недавно новый статус редактора "Волги-21 век". Желая польстить новоиспечённой "приме словесности" (так та именовалась в статье), корреспондентка переадресовывает ей знаменитую фразу "Поэт в России больше, чем поэт". И тут же поясняет, чем именно: "Действительно, не только замечательная поэтесса, но и главный редактор журнала, кандидат наук, участник и стипендиат Форумов молодых писателей в Липках". На полном серьёзе полагая, что это – больше. Не пророк, не трибун, не совесть народа – что имел в виду Евтушенко, а – "участник форумов", "член Ассоциации саратовских писателей." До чего же измельчал поэт в наше время в глазах и умах иных корреспондентов!

Из книги "Будьте Вы благословенны" ("Истории моей любви"), 1996г.

Письмо Татьяны

В 8 классе проходили "Онегина". Письмо Татьяны. Как-то так получилось, что я не читала его прежде. Это было потрясение, которое совпало с возрастом Ромео и Джульетты. "Душа ждала. Открылись очи. Она узнала: это он!" Мне почудилось, что он – это сосед по парте. Я написала ему письмо. В стихах, в лучших традициях классики. Писала, глотая слёзы. Но не учла, что время уже было другое. И он, получив послание, почему-то решил, что я над ним издеваюсь. Что это такой прикол. И встретил мой трепетный взор понимающим хихиканьем: "А здорово ты меня разыграла!"

Ты читала Гюго?

Чем дальше – тем чаще я влюблялась. Это вошло в привычку. Когда начинался новый учебный год, я, стоя на общешкольной линейке, обводила глазами актовый зал, ища какое-то новое, ещё не любимое мною лицо. Так, этого я уже любила, того – тоже... Они об этом и не подозревали. Просто не успевали узнать. Разлюбляла я быстро, порой молниеносно. Могла разлюбить из-за одного глупого слова, из-за неправильного ударения.

Один мальчик, которого я уже готова была полюбить, спросил меня, видимо, желая показать свою эрудицию: "Ты читала Гюго?" Всё. Образ рушился, как карточный домик. Другой аналогичный случай произошёл в кинотеатре "Центральный". Это было первое свидание. Первое кино с мальчиком. Он, кивая на скульптуры античных богов у стен, предложил: "Давай статуи посмотрим". Я сказала, что оставила дома невыключенный утюг, и

стремглав убежала. Сам смотри свои статуи!

Без любви

Воспитанная на идеалах классики, в юности я жила по правилу Чернышевского: "Умри, но не давай поцелуя без любви!" В жизни этот мой нравственный максимализм нередко подвергался испытанию. Когда я проходила практику на областном радио, во время монтажа в полутёмной монтажной оператор Шустер схватил меня за ногу. Может быть, он сделал это, не подумав. Машинально. Может быть, и не стоило поднимать такой шум. Но я, задыхнувшись от возмущения, с криком бросилась в редакцию:

– Он меня схватил за коленку! Я не буду с ним работать! Дайте другого оператора! Он меня схватил...

Умудрённая жизнью редакторша недоумённо подняла брови:

– Ну и что?

– Да как это так! Без любви!!!

– А ты бы хотела, чтоб с любовью?, – саркастически рассмеялась та.

Из книги "Публичная профессия" 1998г.

Правила жизни

В детстве и отрочестве я много работала над собой. У меня даже были свои "правила жизни", как у Николеньки Иртенева. Во вступительном слове к этим правилам я писала: "Терпеливо, упорно, настойчиво отвоёвывать каждую хорошую черту характера и как можно решительнее выбрасывать плохие". Потом шёл первый раздел: "УКРЕПЛЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ (самых главных)". Они перечислялись. Затем – раздел №2: "УКРЕПЛЕНИЕ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ". И так далее. Самые главные качества, которые я считала нужным в себе выработать, были: смелость, воля, решительность, принципиальность, чувство собственного достоинства, потом шли: доброта, благородство, гуманизм, любовь к людям.

Я шла в школу и держала в уме весь этот набор качеств, чтобы при каждом удобном случае какое-нибудь из них проявить. Это оказалось очень непросто. Например, сосед по парте просил списать. Как быть? Что здесь проявить: принципиальность – и не дать списывать? Чувство собственного достоинства – и вообще не удостоить ответом? Смелость и решительность – и треснуть его по башке, чтоб учил? Или тут уместней проявить гуманизм и любовь к людям? Я задумывалась: а как бы на моём месте поступила Зоя Космодемьянская? Маресьев? Павлик Морозов?

Подруга сказала мне какую-то гадость. Первым побуждением было проявить смелость и находчивость и ответить ей тем же. Потом я вспомнила про силу воли и решила сдержаться. Потом решила проявить чувство собственного достоинства и смерить её презрительным взглядом. Я запуталась, как та сороконожка, и в конце концов проявила глупость: заплакала и убежала. Правила жизни никак мне не давались. Я оставила эту затею и стала жить просто, как бог на душу положит.

Перепутал

На областном радио, где я работала в студенческие годы, мне часто приходилось ездить в командировки. Однажды наша группа приехала в Базарный Карабулак. Мне выделили одноместный номер в гостинице. Я никак не могла отпереть ключом дверь и

попросила помочь шофёра. Он открыл, но ключ не вернул, а положил себе в карман, сообщив как о чём-то обыденном: "Сегодня вечером я к тебе приду".

Я обомлела от такой наглости. А шофёр уже скрылся с моим ключом в кармане. И найти его было нигде невозможно. Что делать? Погоревав, я пошла к администратору и, объяснив, в чём дело, попросила дать другой номер. Мне дали общий, на 10 человек, где спать пришлось на раскладушке почти под столом. Но зато в безопасности. А в мой номер поселили почтенную начальницу из гороно преклонных годов.

В 12 ночи шофёр на цыпочках прокрался в мой бывший номер и открыл дверь своим ключом. После непродолжительной схватки он вылетел оттуда, сопровождаемый дикими криками, бранью и предметами гостиничного обихода. Всё это начальница гороно громогласно рассказывала администрации поутру, явно гордясь собой. Шофёр ходил, прикрывая синяк на скуле. Я злорадно хихикала.

Птичка птеродактиль

В представлении иных читателей истинные поэты – это непременно костлявые аскеты с тоскующим взглядом и чахоточным румянцем на впалых скулах. Я, увы, такой не была. Что было поводом наших неоднократных пикировок с Давидом. Придирчиво оглядев мою фигуру, он начинал:

– Тебе надо похудеть.

– Да я и так ничего не ем! Я ем, как птичка.

– Птички разные бывают. Птеродактиль, например.

– Да я ем одну лишь травку!

– Динозавры тоже травкой питались.

– Давид! – взрываюсь я. – Скажи честно, ты бы сам на себе женился?

– Ни за что. Что я, враг себе, что ли?

– То-то и оно.

– Всё-таки он меня достал. Я решила начать бегать. В городе это было невозможно – увязывались собаки. Да и пыльно. Я утянула Давида в лес. Он шёл по тропинке, а я бежала вперёд. Потом – обратно, ему навстречу.

– Ну, как я бегу? Какой у меня стиль: трусца, рысца?

– Давид пригляделся: "У тебя – трясца". Нет, бег был не для меня.

– Я решила купить "Гербалайф". Это было дорого, но я сумела убедить Давида, что красота требует жертв. И что торг в данном случае неуместен.

– Начались дни голодных пыток. Обед был положен лишь раз в день. А утром и вечером – только какая-то дрянь в порошках и таблетках. Я ждала этого вожделенного обеда целые сутки. Даже ночью он мне снился. Если Давид заставал меня ненароком на кухне, то поднимался крик.

– Как ты смеешь есть?! Зря, что ли, такие деньги отдали?

– Это мой законный обед! Имею право! – надрывалась я.

– Твой законный обед был три часа назад!

– Ты что, как шпион, следишь за каждым моим шагом? Это невыносимо!

– Я крепилась день, другой. Но потом, не в силах договориться со своим желудком, под покровом ночи, тайком, как Васисуалий Лоханкин, пробиралась на кухню. Наутро меня мучила совесть. Каждый сброшенный килограмм давался ценой физических и душевных мук.

Через каждые три дня мне звонил дистрибьютер. (Так назывались люди, продававшие "Гербалайф"). Он пытал меня, на сколько сантиметров я уменьшилась и в каком месте. Это ему было нужно для отчёта. Отвечать мне было стыдно вдвойне: и как женщине, и как

добившейся весьма скудных результатов.

Однажды дистрибьютер увидел мой портрет в газете. Из статьи под ним он узнал, что я провожу вечера при большом скоплении народа. И обратился ко мне с просьбой от имени фирмы рекламировать их товар.

– Это как? – не поняла я.

– Ну вот Вы там рассказываете о чём-то. А потом скажите, что вот Вы потому так хорошо выглядите, что употребляете "Гербалайф".

Я представила эту картину. После проникновенных слов о Тютчеве или Мандельштаме я объявляю, как Якубович: "А теперь рекламная пауза! Покупайте "Гербалайф! Вы почувствуете кайф!" Такое мне бы и в страшном сне не приснилось. Разумеется, я отказала фирме.

Член российской федерации

В 90-е годы меня пригласили читать лекции в Поволжской Академии государственной службы (ПАГС). Тамашняя библиотечка, которая меня позвала, не смогла толком меня даже представить. Давид её проинструктировал перед началом: "Лектор, поэт, член Союза журналистов..." Она запомнила только одно: "член".

Перед вами выступит член... член... член... - и беспомощно посмотрела на меня. Я разозлилась и равнодушно отвела глаза: выпутывайся как знаешь. Она закончила:

– Член... Российской Федерации!

Самое смешное, что никто даже не засмеялся. Вечером я пожаловалась по телефону одному знакомому на то, как меня обозвали. Он возразил:

– Ну, Наташа, это если б Вы мужчиной были, да и то, как посмотреть – оскорбление это или комплимент.

Нет уж, избави боже от таких комплиментов.

Семейный портрет в пенюаре

Однажды утром я вышла за чем-то на балкон в пенюаре. Давид подкрался с "Полароидом" и меня щёлкнул. Получилось неожиданно хорошо. Я загорелась дать именно это фото на свой сборник.

– Смотри, какая я здесь красивая. Поэзия в глазах, печать мысли... Я так никогда больше не получусь.

Давид возражал:

– Но ведь ты здесь в пенюаре. Это неприлично.

– А может, это и к лучшему? Больше будут сборник раскупать.

– Мы же не "Анжелику" издаём, а стихи замужней женщины.

В конце концов было решено попросить в типографии отрезать фото по самую шею, чтобы пенюара в книжке было не видно. Там обещали, но в последний момент забыли это сделать. Так я и осталась с пенюаром. Утешало то, что современная мода летнего сезона была не слишком далека от нижнего белья.

Однажды я по секрету поделилась с подругой эротической тайной своего снимка. Она очень удивилась:

– Да что ты говоришь! А мы ещё спорили с сестрой, что это у тебя за любопытная кофточка. Я даже хотела заказать себе такую же.

Я вспомнила, как где-то читала, что наши войска, возвращаясь после победы, в числе прочих трофеев привозили из Берлина и разные немецкие тряпки, в том числе женские пенюары. Многие наши женщины, никогда их в глаза не видевшие, решили, что это богатые

вечерние туалеты, и появлялись в них в гостях, в ресторанах, в театрах.

Подумать только, что я спустя полвека чуть было не возродила эту моду!

Затянуто... по фигуре

Как-то у одной модной портнихи я сшила себе четыре пиджака разных цветов – на все случаи жизни. Чтобы она прониклась чувством ответственности, внушала ей, что сшитые ею вещи будет разглядывать взыскательная публика, будет полный зал, возможно, ТВ, и что от её покроя и качества пиджака во многом зависит восприятие отечественной и мировой поэзии.

Портниха прониклась и даже изъявила желание прийти на лекцию, чтобы воочию убедиться, как будет восприниматься российская словесность в обрамлении её фирменного изделия. После лекции она подошла ко мне с кислой миной.

– Не понравилось? - испугалась я. – Что, скучно было? Затянуто?

– Не в этом дело, – поморщилась портниха. – Затянуто всё как надо, по фигуре. Но разве так надо читать в этом пиджаке? Ну что ты стояла, как вкопанная? Надо было вот как...

И она прошлась, качая бёдрами, крутанулась на каблучках, подбоченилась, повела плечиком, полуобернула головку, задорно улыбнулась... Нет, – вздохнула я безнадежно, глядя на портниху-модель, - мне так нипочём не прочесть.

Милиционер

Однажды я гуляла с Дэнди по скверу. Навстречу нам шёл милиционер. Я давно уже не верила в детскую сказочку о том, что "моя милиция меня бережёт" и инстинктивно старалась держаться от неё подальше. Тем более, что мне сразу что-то не понравилось в этом милиционере. То ли у него было свободное время и он искал себе развлечений. То ли ему позарез было нужно содрать с кого-нибудь штраф. То ли лицо моё ему чем-то не понравилось. Но так или иначе – он стал ко мне приставать.

– А вы знаете, что здесь ходить с собакой нельзя?

В этом облезлом скверике с собаками ходили все, у кого они были. Ни одной таблички, запрещающей это, нигде поблизости не наблюдалось. Милиционер явно рассчитывал на мою возмущённую реакцию. Но внутренний голос мне подсказывал: на провокации не поддаваться.

– Нет, я не знала. Спасибо, что Вы мне сказали. Сейчас мы уйдём, - кротко ответила я.

Милиционер не унимался.

– А документы на собаку у вас есть?

– Денди был чистокровный карликовый пудель. Зачем этому жлобу понадобились на него документы - одному богу известно. Но я была сама выдержка.

– Есть. Вам принести?

Милиционер начал злиться. Я никак не давалась ему в руки.

– Что-то мне Ваше лицо знакомо, – подозрительно сказал он, рассматривая меня в упор.

– Может быть, в газете? – попыталась я улыбнуться. – Про меня иногда пишут.

– А почему Вы не на работе? – сменил собачью тему блюститель порядка. (Это было ещё во времена Горбачёва).

– У меня ненормированный рабочий день.

– Кем вы работаете?

Я лихорадочно соображала: что бы такое сказать, чтоб он отвязался? Какую бы такую профессию придумать, чтоб он сел и не встал? И вдруг неожиданно для себя ляпнула:

– Я – драматург.

Милиционер отшатнулся. Наверное, на персонажа пьесы Вампилова слово "метранпаж" не произвело такого магического впечатления, как это – на моего допытчика. Не знаю, с чем оно проассоциировалось в его небогатом извилинами мозгу, но милиционер тихо отпал и растворился в туманном сыром воздухе скверика. Больше я его не видела.

Особые приметы

Читаю в газете объявление: "Пропала девушка. Особые приметы: все зубы гнилые..." Какой ужас, думаю. Мало того, что человек погиб, так его ещё и позорят после смерти. Я говорю Давиду:

– Если я когда-нибудь пропаду - только попробуй укажи какой-нибудь мой недостаток. Найдусь – убью. Пиши: "Пропала красавица". И чтоб никаких там "особых примет"!

Как познакомиться

В передаче "Иванов, Петров, Сидоров" представляют книгу "Как познакомиться за 3 минуты". Оказывается, надо перед будущим суженым как бы невзначай уронить платок. Не заметит – уронить ещё раз. Я подумала: этак платков не напасёшься.

Вспомнила свои "ухищрения" в юности. Однажды шла в гололёд и упала. И тут же вскочила. Вдруг вижу: с противоположной стороны улицы ко мне со всех ног бежит молодой офицер. Видимо, хотел помочь мне подняться. А я-то уж встала, дура! И, чтоб исправить свою оплошность, снова упала, на этот раз нарочно. Лежу и строю планы: сейчас он ко мне подойдёт, я томно обопрусь о его плечо, попрошу довести до дома, там угощу чаем... Чувствую, что-то уж долго лежу. Смотрю – а это он, оказывается, за троллейбусом бежал! Вскочил в него и уехал. А меня так никто и не поднял.

Вспоминается ещё один, чем-то похожий случай, когда жизнь посмеялась над романтическими прожектами. У нас с Давидом был один холостой приятель, которого я вознамерилась познакомить со своей одинокой подругой. Продумала процедуру знакомства до мелочей: куда посадить, какой свет сделать, какую музыку поставить, когда невзначай оставить одних... Были припасены свечи, шампанское. Но злодейка-судьба распорядилась по-другому.

Первым пришёл приятель и тут же заскочил в туалет. А следом звонок – подруга. Я не успела её предупредить, что жених уже здесь, как она рванула ручку туалета. Задвижка сорвалась, и жених предстал ей во всей красе. Подруга ойкнула и от неожиданности пробормотала вместо извинения: "Здрасьте!" Приятель был в шоке, но по инерции вежливо ответил ей с унитаза: "Здравствуйте..." Вот так они познакомились. Продолжения, как можно догадаться, не последовало. Свечи, шампанское и томный голос Дассена победила какая-то дурацкая задвижка туалета, которую Давид не удосужился прибить попрочнее. Как подумаешь - от чего зависит порой судьба человеческая!

Рядовые поэзии

В конце вечера кто-то вылез с чтением своих стихов. Это – как цепная реакция, вслед за ним потянулись другие. Один оратор глупее другого, каждый стих ещё хуже предыдущего. И, кажется, нет предела этой вакханалии графоманства. Из первого ряда тянет дрожащую руку старушка, она тоже жаждет выступить. Уж не знаю, кем представлялись ей выступавшие до неё поэты, но она произнесла следующую фразу:

– А от рядовых – можно?

Заветы Сократа

По телевизору рассказывают о Сократе, который призывал в своё время всех жениться: "Попадётся хорошая жена – будешь счастливым, плохая – станешь философом". Я спрашиваю Давида:

– Ты счастливый или философ?

Давид, поразмыслив:

– Счастливый философ.

За завтраком

Утром спрашиваю мужа:

– Ты что будешь есть: омлет, манную кашу или овсянку?

Давиду не нравится ничего из перечисленного.

– Это всё равно что выбор между Ельциным и Зюгановым.

– И Явлинским, – пытаюсь я ему напомнить о третьем компоненте.

– Явлинского я здесь не вижу, – отрезает он.

Мама, заглянув в морозильник, включается в нашу предвыборную аналогию:

– А пельмени? Пельмени – Явлинский!

За едой у меня созревает стих:

– Что ты будешь есть? – тебя спросила, –

Кашу овсяную или манную?

Ты ответил: – Это равносильно

выбору меж Ельциным – Зюгановым.

Ещё воспоминание на гастрономическую тему. Бабушка очень любила читать статьи медицинского характера. И принимала пищу, исключительно исходя из научных рекомендаций. Наливая мне стакан чая, она говорила:

– Промой кишки.

– После чего пить я его уже не могла.

Эротические стихи

Мне позвонила знакомая журналистка:

– Ты не поверишь, но про тебя ещё один дурак написал.

Я возмутилась:

– Сколько можно трепать моё имя? Я уже не успеваю отвечать этим гадам.

Поводом к статье послужили мои стихи в коллективном сборнике, в частности, строки:

И всё смешалось: губы, руки, мысли...

Творец небесный шлёт свои дары.

Как грузно звёзды гроздьями нависли,

как грозно содрогаются миры...

Казалось бы, что такого? Нормальные эротические стихи. Мой оппонент вспоминал "Полтаву": "Смешались в кучу кони, люди..." Иронизировал: "Смешались руки и, наверное, ноги..." Хотя о ногах у меня не было ни слова. А хоть бы и было! Странное дело, когда Пастернак пишет: "Скрещенье рук, скрещенье ног", – почему-то это никого не шокирует.

Давид говорит:

– "Смешались ноги" – это хорошая реклама для сборника. Пусть пишет. Сразу все побегут сборник покупать. "Смешались ноги" – это он хорошо придумал.

Сила слова

В интервью И.Бакаева пыталась меня: "Какие строки поэтов Вам помогают в жизни?" Я тогда как-то не вспомнила сразу. А вообще, по утрам, когда очень не хочется вставать, я призываю на память какие-нибудь бодрые строки классиков. Раньше мне, например, помогал пробудиться Некрасов:

*Вставай, поэт! Ты знаешь сам,
какое время наступило.
В ком дарованье, сила, меткость –
тому теперь не должно спать.*

Я произносила эти строки вслух по утрам на манер заклинания и, убедив саму себя, что я и есть тот самый поэт, без которого – никуда, решительно вставала. Потом стихи приелись. Я пробовала будить себя строчками:

*А ну, вставай, кудрявая,
на встречу дня...*

Но это звучало уж слишком совково. Внушала себе:

Вставайте, граф, Вас ждут великие дела...

Но "граф" - это не из нашей жизни, и потому не убеждало.

Вставай, страна огромная...

Нет, тоже не то. Я искала новых слов со словом "вставай", но никак не находила. Давид тоже не мог ничего подсказать. И мы вместе дрыхли, не находя в себе душевных сил для подъёма.

Однажды меня осенило. Я гаркнула: "Вставай, проклятьем заклеймённый!"

Давид вскочил, как ошпаренный. Вот она, сила слова! Теперь я поднимаю себя с постели только этим гимном. Мне кажется, он даже чем-то актуален сейчас.

Психиатрия

Учу текст передачи о Борисе Поплавском. Завтра запись на телевидении. У этого поэта необычайно трудная лексика. Попробуйте, например, выговорить: "грандилоквентный" (что это – никому неведомо, ни в одном словаре я этого слова не нашла). Слово "эксгибиционист" я могу произнести лишь в три приёма. Это ещё хуже, чем "экзистенциализм" или "трансцендентный". А стихи! Я учу их в кухне, в ванной, по дороге в магазин. Уже разговариваю его стихами. Разогреваю Давиду обед со словами:

Готов обед мечтательных повес!

Как римляне, они вкушают, лёжа...

Провожая Давида на работу, простираю вслед ему руки:

*Гамлет! Ты уезжаешь? Останься со мной! –
пела безумная девушка под луной.*

– Ты, "безумная девушка", – говорит Давид и крутит пальцем у виска. – Я чувствую, дело кончится психиатрической больницей.

Я вспомнила, как в тетради отзывов после одной из лекций обнаружила такую запись: "Лекции тов. Кравченко могут помочь при лечении психиатрических заболеваний. Врач-психиатр Б.С.Перепелов". Давид меня потом неделю дразнил: "Твои лекции только в дурдоме читать". А меня осенила идея: а что, если на объявлениях в газете приписывать: "Лекции Кравченко помогают от..." и - перечислять длинный список всевозможных хворей, как это делают наши экстрасенсы. Да если ещё при этом добавить, что мои сборники чем-то таким заряжены... Это ж сумасшедшие деньги можно брать!

Новое прочтение Тургенева

В программе "Утро" представляют новый фильм режиссёра Грымова: эротическая версия "Муму". Сенсация! Новое прочтение Тургенева! Корреспонденты теснятся с видеокамерами, режиссёр не успевает раздавать интервью. Мы с Давидом заинтересованно прислушиваемся. Оказывается, гвоздь сюжета составляет любовь престарелой барыни и Герасима.

– Я не согласен с Тургеневым, – скромно, но с достоинством молвит режиссёр, отстаивая своё творческое право на прочтение классика.

Л. Гурченко, которую пригласили на главную женскую роль, – отказалась, назвав фильм "патологией". Л. Максакова согласилась. Я говорю:

– Герасим – геронтофил... Круто. Но можно было бы сделать из него, например, зоофила: любовь Герасима к собаке.

Давид добавляет:

– А можно было бы ещё круче: любовь барыни к собаке.

Из книги "По горячим следам" (2003)

Тяжёлый вес

В одном моём стихотворении есть такие строчки: "Я – поэт нетяжёлого веса, но мне так тяжело". В конце творческого вечера одна слушательница попросила слова, желая высказать мнение о моих стихах. Она начала так: "Наталья Максимовна пишет, что она поэт нетяжёлого веса, но это неправда. У неё тяжёлый вес!" С самыми добрыми побуждениями женщина наступила мне на больную мозоль. Многие при этих словах невольно перевели взгляд на мою фигуру, которую я вот уже несколько лет безуспешно пыталась уменьшить. Давид хмыкнул. Вечером, обнимая меня, не преминул подпустить шпильку: "А поэт ты действительно весомый, это точно!"

Трагический возраст

Приходит письмо от Н.С. Могуевой, моей давней приятельницы и корреспондентки. Она пишет о четырнадцатилетней внучке, которая зачитывается моими стихами и весь сборник переложила закладками. Одна из них была заложена на четверостишии:

Почему не спускается занавес?
Пьеса жизни проиграна в прах.
И на бис не сыграть её заново,
Разве только в грядущих мирах.

"Ну, конечно, – пишет бабушка, – мальчик какой-нибудь не так посмотрел на неё, и вот уже "пьеса жизни проиграна в прах."

Нам смешно. А ведь 14 лет – это, может быть, в самом деле самый трагический возраст. По себе помню. Когда мне было тринадцать, я надумала покончить с собой от несчастной любви и написала такое предсмертное стихотворение:

Всего, что так сердцу мило,
Я в жизни узнала мало.
О сердце, как ты любило!
О сердце, как ты страдало!

Стихотворение это мне самой так понравилось, что кончать с собой я передумала. Решила прежде стать поэтом.

Любовь слепа

Приятельница привела на мой вечер своего знакомого. Лекция ему понравилась. И не только лекция.

– Ты знаешь, – доверительно шепнула она мне, – ты ему как женщина понравилась.

Я заинтересовалась:

– А кто он такой, откуда?

Оказалось – из общества слепых.

Она любила свободу

Соседская девочка Олеся сочиняет рассказ о моей собаке Линде. Это сейчас она моя, а до меня полгода жила на улице, в нашем дворе. И нашла её именно Олеся. Повествуя о злоключениях псины, завершившихся счастливым концом, школьница пишет: "...и Линду взяли на поводок. Мы все плакали. Ведь она любила свободу!" Заканчивался рассказ так: "А теперь она живёт у доброй женщины, знаменитой писательницы тёти Наташи."

Лай по существу

Линда ни с того ни с сего начинает лаять противным визгливым голосом. Несколько раз подхожу к дверному глазку: никого. Ложная тревога. И так весь вечер. Пытаюсь внушить ей: "Линда, не будь брехливой собакой. Лай по существу!"

Не смог любить

Композитор В. Мишле, написавший цикл песен на мои стихи, пригласил на мой творческий вечер министра культуры (теперь уже зека) Ю. Грищенко. Тот важно заявил, что сможет на нём пробыть лишь полчаса, не больше – у него срочное совещание. Однако, услышав мои критические эскапады в адрес местной власти, отменил по мобильнику свою

неотложную встречу и остался до конца.

В конце вечера вышел к микрофону и прочёл стих-экспромт собственного сочинения (как бы в ответ на мои строчки

"прими, читатель, этих строчек ересь.
Не отшатнись, всецело мне доверясь,
И полюби и за, и вопреки"):

Я принял Ваших строчек ересь.
Не отшатнулся, им доверясь.
Не смог любить ни за, ни вопреки,
Но не уйду, Вам не подав руки.

Пожал мне руку и убежал.

Готова более чем

Зову Давида ужинать. Он:

– Картошка готова?

Я, открыв крышку, после паузы:

– Более чем. Сгорела.

Портрет с мужем

Саратовский художник, ещё лет семь назад изъявивший желание написать мой портрет, после долгого отсутствия объявился на одной из лекций. Оказалось, что это желание в нём ещё не остыло. Я сказала об этом маме. Она всполошилась:

– Ни в коем случае! Скажи ему: "я замужем"! Скажи: "меня можно рисовать только с мужем!"

Непредупредительная острота

Хмурое утро. Никак не можем с Давидом заставить себя встать. Я, по аналогии с "Покровскими воротами" ("на улице идет дождь, а у нас идет концерт"), говорю:

– На улице идет дождь, а у нас идет подъем.

Давид, всполошившись:

– Как дождь?! – бежит к балкону. Я:

– Да нет, это я острою.

Давид, с досадой:

– Предупреждай, что остроишь!

Любимый афоризм

По саратовскому ТВ – интервью с депутатом Думчевым. Корреспондент спрашивает:

– Ваш любимый афоризм?

По глазам депутата он видит, что тот в затруднении, не понимает вопроса. Мягко поясняет:

– Ну, любимая пословица, поговорка, афоризм.

Думчев, воспрянув:

– Мой любимый афоризм – это быть честным, трудиться, любить свою Родину... (Видимо, спутал со словом "девиз"). Я, отхохотав, Давиду:

– Вот смеху будет, если его назначат министром культуры. (Была как раз вакансия).

Давид:

– А ты думаешь, не такого, что ли, назначат?

Зачем Вам маца?

У Высоцкого есть песня о Мишке Шифмане, надумавшем под влиянием "голосов" уехать в Израиль и позвавшем с собой за компанию дружка. А тот ему – я бы всей душой, мол, да "вот загвоздка тут – русский я по паспорту". Чем кончилась эта история, всем известно:

Мишке там сказали "нет",
Ну а мне – "пожалуйста".
Он кричит: "Ошибка тут,
Это я еврей!"
А ему – "не шибко тут,
Выйди из дверей!"

В нашем саратовском еврейском сообществе, думаю, такой ошибки бы не произошло. Чистоту расы – как, впрочем, и в местных "русских" идеологических учреждениях, тут блюдут строго. Недавно родственник Давида Мишка Коновалов, "русский по паспорту", пошёл за мацой в резиденцию главного раввина Саратова. Ответственный за это дело спрашивает:

– Ваша фамилия?

– Коновалов.

Пауза. Саркастический вопрос:

– А зачем Вам маца?

Немая сцена. Мацу, после некоторых колебаний, ему всё же решают выдать.

– Сколько стоит?

– Вам (подчёркнуто) – 60.

Следует добавить, что для евреев "в законе" цена – 35. Вот такой вот "сионизм". Так что кого ни попадя в Израиль, как поёт Высоцкий, у нас не пустят.

Удивительное рядом

Разговор по телефону с редактором "Земского обозрения". Я пытаюсь убедить его дать в газету объявление о предстоящем вечере Игоря Северянина в нашей библиотеке. Редактор, услышав имя поэта, удивляется:

– Надо же! И я Игорь. Тёзка.

Я, мягко говоря, удивляюсь этому удивлению.

Однако объявления на "тёзку" не появилось. В следующий раз пытаюсь дать на Николая Заболоцкого. Услышав название вечера "Огонь, мерцающий в сосуде", редактор опять удивляется: "Надо же!" Но объявления снова не даёт. Звоню, осведомляюсь о причине такой немилости к поэтам, вечера которых были приурочены к юбилейным датам (у Северянина – 115 лет со дня рождения, у Заболоцкого – столетний юбилей).

– Мы даём то, что считаем нужным, – отчеканивает тёзка Северянина.

Удивительные редактора работают в наших газетах.

Парфюмеры

Лаконичный диалог, который случайно подслушал Давид в книжном магазине. Покупатель, озабоченно:

– У вас "Парфюмер" есть?" – имея в виду роман Зюскинда.

Продавец-консультант, высокомерно:

– У нас не парфюмерия.

Смертельный диагноз

Поэты и – что чаще – полупоэты (то есть те, кто пишет без достаточных на то оснований) дарят мне свои сборники, ожидая в ответ обнадеживающих слов. К сожалению, хорошие стихи попадают очень редко, и я бываю поставлена перед необходимостью говорить людям суровую правду, что всегда обидно и неприятно. Ахматова в таких случаях сравнивала себя с врачом, который вынужден ставить один и тот же диагноз: "Рак, рак, рак." Но она, не желая обижать людей дурным отзывом, говорила: "Если мне не нравится, я молчу или говорю что-нибудь вялое, человеческое. Ну, например: "У Вас есть чувство природы". "Слова стоят на своих местах." Мария Петровых в таких случаях говорила: "Ну что ж, в этом нет ничего плохого." Мандельштам был ещё уклончивее: "Это для Вас характерно." Для меня объявление такого диагноза всегда было тягостной и мучительной процедурой.

Как-то совершенно безнадежные стихи принес один мальчик, который ходил на все мои лекции, и мне было особенно жаль его обижать. Давид решил принять огонь на себя:

- Давай я ему скажу.
- Только ты поделикатней.
- Ну разумеется.

"Деликатность" Давида оставила желать лучшего. "Знаете... Вам не надо писать стихи", – максимально мягким голосом объявил он юному поэту. Мальчик вспыхнул, круто развернулся и вышел. "Ну вот, теперь он больше не придёт", – огорчилась я.

Он действительно не появлялся на лекциях где-то с полгода. Потом пришёл – возмужавший, посерьёзневший, как бы многое понявший. Он подошёл к Давиду и прямодушно, от чистого сердца сказал:

- Знаете, я много думал...Вы во многом, вероятно, правы...– И протянул ему новые стихи. Давид просмотрел их и так же прямо и чистосердечно ему ответил:
- И всё-таки... Вам не надо писать стихи.

Поэт круто развернулся и вышел. На этот раз навсегда.

Приятная поэзия

По ТВ (утром) актёр читает замогильным голосом: "Ночь, улица, фонарь, аптека..." Потом на экране появляется ведущая, видимо, не вникавшая в смысл прозвучавших стихов. Весёлым, оживлённым, жизнерадостным голосом Пятачка из мультфильма:

- Как приятно начинать утро с поэзии!

Святые слезы

Женщина плачет после моей лекции о Лермонтове.

- Бедный мальчик! Сколько он пережил! – всхлипывает она.

Как я люблю доводить людей до таких слез.

На любителя или ценителя?

Я – самокритично – о своей ранней книге:

- Это книга на любителя. На большого любителя. На любителя меня.

Давид:

- Не говори так! Говори: "На тонкого ценителя."

Домашние экспромты

Я – Давиду (утром из ванны):

– Поскольку я в неглиже, ты на меня не гляже.

А это Давид – мне, тоже, выйдя из ванны:

Тёр мочалкою ретиво,
Кипяток лил докрасна.
Я-то думал, это мыло.
Оказалось – седина!

А это снова я, после завтрака, над разбитой вдребезги тарелкой:

Одной тарелкой меньше стало –
Одною песней больше будет.

Из книги "Ангелы ада" (2004)

Самоиронизмы

Садистка Валерия

Я, любуясь на экране певицей Валерией, Давиду:

– Когда я на нее смотрю, мысленно клянусь с завтрашнего дня заниматься зарядкой, не есть сладкого, бегать, худеть... Такой мощный стимул у меня, глядя на нее, для всего этого появляется!

Давил, деловито:

– Завтра же куплю тебе видеокассету с ее концертом.

Я, осознав, чем мне это грозит:

– Ну, это уже садизм.

Не облако, а обло

Я, вспомнив С. Гандлевского («Это яблоко? Нет, это облако...»), спрашиваю Давида:

– Я для тебя кто – яблоко или облако?

(Перед этим кто-то из моих слушателей написал мне на брошюре с программой «Яблока»: «Вы не яблоко, а облако»).

– Ты не яблоко, и не облако. Ты – обло.

– ?!

– «Чудище обло, стозевно и лайй».

– Сам ты «лаяй»!

Тут Линда присоединяет к нашим голосам свой визгливый «лаяй», как бы заступившись за меня в этом наглом поклепе.

Разговорчики

Грубый попугай

Из разговора с Олесей:

Я: – Научился ваш попугай говорить?

О: – Нет. Мы на своем языке говорим, он – на своем.

Поясняет:

- Начнем с Леной ругаться, а он тоже ругается по-своему.
- Откуда же ты знаешь, что ругается?
- Ну... Чирикает грубо.

Скажи спасибо, что живой

Идем с Давидом по городу, читаем невразумительные надписи на рекламных щитах, заполонивших улицы: «Входящие – бесплатно! Теперь уже навсегда!», «Связь в большом городе», «Единство стиля», «Удаляем большие цены. Эльдорадо»...

Я: – Как они захламили город этими бессмысленными лозунгами! Ну что это значит? «Ари 100крат в русском стиле». А это: «Японский генерал у вас на службе». То ли дело раньше писали, четко, ясно: «Слава КПСС!», «Миру – мир!», «Дело Ленина живет и побеждает»...

Давид ностальгически подхватывает:

– Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!

Я: – Нет, этого уже не напишут. Разве только так: «Нынешнее поколение будет жить».

Давид уточняет:

– И вопросительный знак в конце.

Суета сует

Давид решил читать Библию. Просил не тревожить.

– Давид, включи «Пока все дома».

Он, строго:

– Это суетная передача.

Собачьи поэты

Линда, пропадавшая где-то полдня, твякнула за дверью, извещая о своем прибытии. Я впустила ее. Шумно дыша, псина бросилась к чашке с водой, долго и жадно пила. Потом брякнулась на свой коврик и «отрубилась». Спала она беспокойно, взвизгивая и постанывая во сне. Мы с Давидом с интересом наблюдали. Я:

– Где была, что с ней приключилось, кого видела во сне – мы об этом никогда не узнаем. А ведь ей, наверное, хочется рассказать, поделиться впечатлениями...

– Ничего ей не хочется, – сказал скептически настроенный Давид. – Она и разговаривать бы с нами не стала. У нее там свои дела, свой круг общения.

– Не скажи, – защищала я Линду, вернее, наше собачье-человечье родство душ. – И за что Бог так наказал собак? Ни пооткровенничать, ни поплакаться, ни мыслями поделиться... А ведь у них тоже, наверное, есть что сказать миру. Может, даже среди них свои поэты, философы есть... Только мы об этом не знаем.

– Еще среди собак поэтов недоставало! – в сердцах затронул муж болезную тему.
– Их среди людей-то – как собак нерезанных...

Ты жива еще?

Давид, вернувшись из «рейда» по книжным магазинам, рассказывает, как девчонка в «Читающем Саратове» сидела на корточках и читала мою «Будьте Вы благословенны».

– У меня денег нет купить. Я прихожу сюда и читаю.

Из разговора обо мне с другой читательницей, в Доме книги:

– А когда она жила? Она жива?!

Из книги "Признаки (призраки) жизни" (2007)

Куда уж больше?

Давида спрашивает юная артистка из народного театра, с которой он готовит композицию по моим стихам: «Давид Иосифович, а сколько Вам лет?»

– Много.

– Ну сколько?

– Угадай.

Думает. Осторожно:

– Ну... пятьдесят четыре?

– Больше.

Брови ползут вверх. Неуверенно:

– Пятьдесят восемь?

– Больше.

– Больше?!

И, почти с ужасом:

– Шестьдесят?!

– Больше.

Она всплещкивает руками:

– Да куда уж больше!

Инцидент исперчен

Продолжаю пополнять свою коллекцию телерадиоперлов. В телевизионных новостях профессор, ректор ПАГСa Сергей Наумов призывает к тому, чтобы все представители других конфессий в Саратове держали экзамен на знание русского языка и русской культуры. Тем более что нынешний год объявлен годом русского языка. При этом чётко выговаривает: «Инцидент». Это почти то же, что мне написал в письме уголовник Михаил Прожелуцкий: «Мне все Ваши стихи ндравятся».

Молодая ученица Тарковского

По местному радио дают моё объявление о вечере в библиотеке, и, вместо «**московская** поэтесса Лариса Миллер, ученица А. Тарковского», ведущая говорит: «**молодая** поэтесса Л.Миллер, ученица Тарковского». Мы с Давидом поперхнулись. Казалось бы, простая логика – когда жил Тарковский? Как может его ныне живущая ученица быть молодой, если он умер в 70-е.

Давид говорит: «Это она подправила, подредактировала. А то что все одни старики...». Я хотела позвонить, указать на ляп, но Давид меня остановил: «Миллер будет только приятно».

Верующий ангел

И ещё один ляп: моё объявление о вечере Франсуа Вийона «Ангел ворующий» ведущая И.Сальникова прочла как «Ангел верующий» (а что, бывают ангелы неверующие?) Как они выдают своё невежество! «Наглый школьник и ангел ворующий, несравненный Виллон Франсуа» – хрестоматийные строчки Мандельштама. Но, видимо, редакторское ухо покорило это криминальное «ворующий» – как это, поэт – и ворует! И – исправили на благообразное «верующий».

Давид позвонил, указал на ошибку. Сальникова рассыпалась в благодарностях, обещала в следующем выпуске передать правильно. Но так и не передала. Мне пришлось на лекции извиняться перед людьми за наших радиоведущих.

В ресторане уже были

В честь 175-летия библиотеки нас пригласили в ресторан. Размышляем, идти ли. Давид, раздумчиво: – Ну, в ресторане мы были... – Когда это? – А в китайском. Марина из Израиля приезжала, приглашала.

– Два года назад? Ну, ты как в том анекдоте: «Книга у меня уже есть».

Почиваю на лаврах

Давид:

– Иди, занимайся! Чем ты занимаешься?

Я – в эйфории от письма Кушнера:

– Я почиваю на лаврах!